

Смысловой эллипсис и логика дискурса

© доктор филологических наук Д. Б. Гудков, 2000

I. Язык и логический анализ языка

О логическом анализе языка в последнее время говорится особенно много, при этом различные исследователи понимают сам этот анализ совершенно по-разному. На наш взгляд, имеет смысл разделить два подхода.

Во-первых, нужно говорить о собственно логическом анализе языка, представленный прежде всего философией языка, аналитической философией, берущий свое начало именно в работах философов (Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, О. Куайн и др.)¹; лингвисты, радостно подхватившие выдвинутые названными философами идеи, пытались соединить плохо сочетающиеся вещи: логику и язык — многочисленные работы об эгоцентрических словах, языках разного уровня, общих и индивидуальных именах, разноместных предикатах и т.д. и т.п. стали весьма модными в отечественной, во всяком случае, лингвистике. Нужно отдать должное, подобный симбиоз дал и полезные результаты, в обиход лингвистики активно вошли многие собственно логические понятия (пропозиция, пропозициональная установка, пресуппозиция и др.), но обнаруживается интересная закономерность: все эти термины понимались и понимаются лингвистами не совсем так, вернее, совсем не так, как логиками (при всем разнообразии толкований у различных авторов). Это вполне закономерно, ибо логический анализ языка, описывает лишь ничтожно малую “зону” языка, оставляя за ее пределами множество явлений, которые никак не могут быть признаны маргинальными: поэтическую речь (Рассел постоянно делает подобную оговорку), фатику, ритуал, языковые игры различного типа, стилистические вариации и многое другое. Даже научный текст, который по определению должен оказываться наиболее доступным для логического анализа, оставляет после себя весьма значительный “остаток” этому анализу не поддающийся². Не отрицая эвристичности некоторых предложенными

¹ Мы никоим образом не пытаемся рассматривать историю вопроса и различия в идеях, существующие в рамках этого весьма широкого научного направления (анализ этих различий см., напр., в [Кюннг])

² Интересно, что ТРА рождена из-за неудовлетворительности логических объяснений реального использования языка, но рождена она опять-таки не лингвистами, а философами, причем даже включение в анализ языка установок Остина, Серля (см. [Остин],[Серль]) и др. оставляет “за скобками” множество (если не большинство) случаев реальных языковых употреблений.

логиками подходов, того, что они могут помочь в решении весьма важных теоретических и прикладных задач, мы никоим образом не можем признать универсальность данного направления, более того, настаиваем на его периферийности и подчиненном положении (речь не идет о собственно логико-философских проблемах, о которых автор, не считая себя специалистом, не берется рассуждать, но именно о лингвистике). Проблема референтности (денотативности) высказывания и имени, играющая столь важную роль для онтологии, вряд ли является лингвистической проблемой, достаточно вспомнить многократно высказывавшийся лингвистами, семиотиками и философами³ тезис о том, что означаемым является не вещь, а наше представление о вещи, вопрос же о том, существуют ли в действительном мире такие биологические существа, как дракон или единорог, никоим образом не относится к компетенции языкознания, для него означаемые этих имен совершенно ничем не отличаются от означаемых таких имен, как *тигр* или *заяц* (“неденотативность” дракона не мешает Голливуду производить по несколько драконов в год). О “неденотативности” можно, причем со множеством оговорок, говорить, пожалуй, лишь, если анализировать такие слова, как *убешиур* А. Крученых, *фарлушка* Д. Хармса, *потец* А. Введенского и им подобные. Если же перейти на уровень высказывания (уровневое деление языка понимается нами как метафора, вернее, как некоторый прием в изложении материала, удобный тем, что он привычен всем получившим филологическое образование в отечественных вузах), то становится еще более очевидно, что наша коммуникация часто направлена не на утверждение или выяснение некоторого действительного положения вещей (замечу, что я говорю и о внешних и о внутренних для говорящего событиях, в то время как эмпиристы, испытывая ненависть к “психологизму”, практически никогда не рассматривают “денотативность” внутренних состояний), но на нечто совсем иное, вот это-то иное и нужно рассматривать и изучать.

На все сказанное может быть сделано одно весьма важное возражение: пафос автора свидетельствует лишь о его вопиющем невежестве, ибо он не понимает различия между языком и речью, а эта дихотомия является основополагающей для всей лингвистики XX века. Замечу, что, пожалуй, никто, а не только автор этих строк, не сможет однозначно провести раз и навсегда установленную границу между языком и речью, и перейду к ответу по существу. Можно сказать, что упомянутые

³ Ср: “Слово возбуждает представление о предмете. (...) Предмет, появлению которого в сознании всякий раз сопутствует такое индивидуализированное языком, постоянно повторяющееся впечатление, тем самым представляется в модифицированном виде” [Гумбольдт, с.82-83]; “(...) Означаемое является не вещью, а нашим представлением о вещи” [Барт 75, с.132]; “Произнесение слова подобно нажатию клавиши на клавиатуре представлений” [Витгенштейн, с.82].

мною направления и авторы говорили и говорят о механизмах языка, о его системе, а не об использовании этих механизмов, о реализации этой системы. Это лукавство. Во-первых, если оперировать указанными понятиями, можно ответить, что языковая система не может не включать в себя возможностей своего использования, узус не может противоречить механизмам языка, последние необходимо содержат в себе возможности языковой игры, “нарушений”, эллипсиса и т.д.. Во-вторых, нет ли смысла вообще отказаться от мышления в рамках бинарных оппозиций (тем более, что основоположник разделения языка и речи сам предлагал не бинарную, а тернарную оппозицию)? Разумно, на наш взгляд, декларировать единство системы и ее использования, не разделяя их.

Неудовлетворенность собственно логическим анализом языка, но невозможность отказаться от таких терминов, как концепт, пропозиция и др., ставшими обязательными знаками образованности лингвиста, привели к тому, что “логическим анализом языка” стали называть нечто к логике (в собственном смысле слова) отношения не имеющее (см. сборники под ред. Н.Д. Арутюновой). Любопытен, например, анализ концептов, обозначаемых абстрактными именами в рамках этого направления. Существующие исследования на самом деле убедительно свидетельствуют, что означаемые таких имен, как *истина*, *милосердие*, *грех* и др., принципиально не поддаются логическому анализу, т.к. безусловно антирациональны, их рациональный анализ — плод лингво-философских рефлексий, но не живого языка, в сознании носителей языка они существуют в недискурсивном, недискретном виде и на уровне “обыденного” сознания не анализируются логически.

Мы считаем справедливым, что “если говорить о логическом анализе естественного языка, то подлинных альтернатив теоретико-модельной семантике (по существу, логической семантике) просто не видно” [Петров, с.19]. Но мы ведем речь именно о внелогическом анализе языка. Здесь, правда, необходимо уточнить терминологию. Что называть логикой? Согласно Философскому энциклопедическому словарю, логикой называется “наука об общезначимых формах и средствах мысли, необходимых для рационального познания в любой области знания; (...) логика является наукой о мышлении — и как метод анализа дедуктивных и индуктивных процессов мышления, и как метод (норма) мышления, постигающего истину; (...) задача логики исторически сводилась к каталогизации правильных способов рассуждений (...), позволяющих из истинных суждений-посылок всегда получать истинные суждения-заклучения” [ФЭС, с.316]. Словарь иностранных слов приведенное выше значение слова “логика” дает как первое, под вторым же понимается “ход рассуждений, умозаключений” [СИС, с.289]. Человеческое мышление не может не опираться на определенные принципы, в этом отношении любое рассуждение и умозаключение логично, но

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 15. – 124 с. ISBN 317-00123-4

принципы “обыденного” мышления отнюдь не совпадают с принципами логики в первом значении этого слова, оно основывается на мифологической (в связи с многозначностью этого термина и его аксиологической маркированностью мы в дальнейшем будем говорить не о мифологическом, а о виртуальном), виртуальной логике, вернее, логике “виртуального”. “(...) Классическая теория категорий не является когнитивной теорией; эта теория рассматривает отношения между реалиями естественного мира, но не рассматривает того, как человек осмысливает мир” [Лакофф, с.46]. Ведь язык не только и не столько отражает действительный мир, но конструирует, моделирует некий виртуальный мир, поэтому исследование виртуальности и способов создания этой виртуальности — зона наших особых интересов. Отношения между “миром вещей” и “виртуальным миром” — проблема собственно философская, а не лингвистическая, хотя, естественно, лингвистика не может не обращаться к проблемам онтологии, но они, как, например, и психологические проблемы, никоим образом не являются центральными для лингвистики.

Относится ли проблема соотношения языка и действительности к собственно лингвистическим проблемам? Вероятно, да. Но не в том виде, как она решается в философии. Речь должна идти не о степени адекватности этого отражения, не об истинности-ложности суждений, но о том, как язык моделирует и описывает эту действительность, причем первичными оказываются не характеристики самой действительности (они выносятся за скобки), но то, что говорит о ней язык. Все последующие наши рассуждения располагаются в рамках именно этой парадигмы.

II. Использование языка и тотальный перевод

“Семиозис можно рассматривать как перевод, т.е. как процесс, в котором динамический объект реализуется через серию непосредственных объектов, представленных знаками-телами” [Клюканов, с. 30]. Таким образом, речевая деятельность может рассматриваться как составляющая переводческой деятельности, а не наоборот. Изначален именно процесс перевода. Мы концентрируем свое внимание на внутренней форме последнего слова, т.е. говорим и переводе, пре-образовании одного в другое. Появление языка — первая и, вероятно, наиболее значительная победа тотального перевода, перевода отраженных в сознании действий, состояний, объектов и т.д. (т.е. определенных представлений) в звуки, переведение образов восприятия и памяти в звуковой (графический) ряд. Но с появлением языка процесс перевода не прекращается.

Если представить, что целью коммуникации является наиболее экономная и ясная передача определенной информации, то очевидно,

что коммуникация должна стремиться к прозрачности и однозначности отношений “означающее — означаемое”. Однако, если мы рассматриваем не абстрактные схемы а реальную живую коммуникацию, то с предельной очевидностью видим, что подобное отношение является скорее исключением, чем нормой. Интерпретация самых обыденных высказываний требует именно перевода, коммуникативные неудачи различного типа есть сигналы сбоев в этом переводе. Анализ реальных коммуникативных актов свидетельствует, что путь к референтам, следовательно, к смыслу высказывания оказывается весьма затруднен, зачастую требует многоэтапного перевода, перед нами оказывается весьма сложное семиотическое образование: один знак оказывается, пользуясь терминами Р. Барта, как членом первичной семиотической системы (в которой он является означающим), так и членом вторичной семиологической системы, в которой он начинает выступать как означаемое [Барт 89, с. 79]. Соответственно, путь к референту требует двойного перевода (в скобках заметим, что процесс этот может быть в принципе не только двойным, но и тройным и т.д. до бесконечности).

Для ясности подтвердим сказанное примерами. Во время работы автора настоящих строк переводчиком ему приходилось выполнять огромное количество письменных переводов (различного типа инструкций и справок), которые с невероятной скоростью и энтузиазмом писал его начальник. Однажды, весьма утомившись от этой работы, я вышел в коридор покурить. Там меня встретил мой коллега-переводчик и обратился ко мне со следующим вопросом: “Как там твой Лев Толстой, не устал еще?” Референтом прецедентного имени *Лев Толстой* являлся мой начальник, однако говорящий выбрал не прямую номинацию, а метафорическую⁴ (причины подобного уподобления достаточно прозрачны для всех представителей русского лингво-культурного сообщества, и мы не будем на них останавливаться), что потребовало от меня (реципиента) гораздо более сложных интерпретативных процедур. Означающее *Лев Толстой* имеет означаемое *твой начальник*, которое само

⁴ Использование в данном случае термина “метафорический” может вызвать серьезные возражения. В.Н.Телия говорит о “свойстве механизмов метафоры сопоставлять, а затем синтезировать сущности, соотносимые с разными логическими порядками” [Телия, с.182]. Это позволяет Н.Д.Арутюновой отказывать приведенному нами примеру в праве называться метафорой: “Псевдоидентификация в пределах одного класса не создает метафоры. Назвать толстяка Фальстафом, а ревнивца Отелло не значит прибегнуть к метафоре” [Арутюнова, с.20]. Понимая обоснованность этих аргументов и принимая их, мы все же будем говорить в данном случае о метафоре, используя последний термин с известной долей условности.

выступает как означающее соответствующего лица⁵. Само же высказывание имело приблизительно такой смысл: *Я сочувствую тебе, ведь тебе приходится переводить множество ненужных документов, которые в огромном количестве пишет твой начальник.* Моя речевая реакция была производной именно от этого смысла. Это является еще одним ярким подтверждением того, что при анализе “живой” коммуникации анализироваться и интерпретироваться должен не текст сам по себе, но дискурс, составляющей которого и является собственно текст. Интерпретация приведенного высказывания требует, помимо дешифровки “кода”, энциклопедических знаний, учета отношений коммуникантов, общность/различие в их оценки констатиции, социальные характеристики общающихся (корпоративность переводчиков перед лицом не понимающих специфики их работы начальников — в данном случае) и т.д. Говорить, таким образом, можно не о логическом анализе языка, но о **логике дискурса**, причем логика эта серьезно отличается от формальной логики (об этом ниже).

Еще один пример:

Теперь я все понял: Леонид Савельевич — немец. У него даже есть немецкие привычки. (Д. Хармс. Я решил растрепать одну компанию).

Этноним *немец*, служащий в данном случае для обозначения определенного этнического стереотипа, оказывается связан одновременно с двумя означаемыми: с лицом на которое он указывает (*Леонид Савельевич*) и со стереотипным образом, которому присущи определенные характерные черты, а номинация *Леонид Савельевич*, являясь означающим для определенного лица, является вместе с тем означаемым для этнонима *немец*.

Мы выбрали далеко не самые сложные для интерпретации (т.е. обратного перевода) примеры, но даже они наглядно свидетельствуют, что процесс перевода оказывается в данном случае осложненным, а “первоначальное” отношение “означающее — означаемое” — завуалированным. Причем мы полагаем, что подобная ситуация оказывается отнюдь не маргинальной, а относится к ядру того, что мы называем языком. О.Г. Ревзина указывает, что “в стихе означающие выступают как референты, а референты как означающие” [Ревзина, с.27], но мы полагаем, что подобное характерно не только для поэтической речи, но является типологической особенностью языка как такового, в этом отношении можно согласиться Ж. Деррида: “«Обозначающее обозначающего» описывает движение языка в его источнике. (...) Не существует

⁵ Мы не останавливаемся на вопросе о том, какие именно интерпретативные процедуры последовали после того, как было установлено, что именем *Лев Толстой* названо определенное лицо, какие когнитивные механизмы были при этом задействованы и т.д.

единственного обозначаемого, которое избегает, даже несмотря на то, что может быть возвращено, игры означивающих отношений конституирующих язык”⁶ [Деррида, с.219].

Повторим: речевая деятельность представляет собой процесс постоянного перевода одного смысла в другой, косвенное выражение этого изначального смысла, стремится не к упрощению выражения последнего, но, наоборот, к его усложнению. Это приводит, соответственно, к максимальному усложнению процесса интерпретации, т.к. понимание высказывания требует именно восстановления изначального смысла при помощи целой серии интерпретативных процедур.

III. Перевод и постулаты “нормальной” коммуникации

Тотальный перевод, в который превращается любое пользование языком, приводит к тому, что коммуникативные постулаты “нормальной коммуникации” (см. [Грайс], [Ревзина, Ревзин]) соблюдаются лишь в абстрактной “идеальной” коммуникации, для которой характерна максимальная прозрачность и ясность отношения “высказывание — смысл”. Реальная коммуникация демонстрирует нам постоянное “нарушение” этих постулатов, непрозрачность и усложненность указанного отношения. Это еще одно свидетельство того, что язык и речевая деятельность не подчиняются правилам логики в первом из указанных нами значений этого слова, причем говорить надо не о нарушении, т.е. отрицании этих правил⁷, а именно о полном их игнорировании, из-за чего применение самих этих постулатов при анализе не искусственной коммуникации, и не общения “человек- машина”, а при исследовании взаимодействия различных “говорящих сознаний” [Бахтин, с.361] вызывает серьезные сомнения. Мы в дальнейшем обратимся к более детальному описанию некоторых из приемов усложнения, “вуалирования” смысла, здесь же хотим с помощью весьма беглого пилотажного анализа фрагмента реальной коммуникации подтвердить высказанный выше тезис. Предлагаем к анализу следующий диалог (А. — мальчик-школьник, Б. — его мать, В. — отец):

- (1) А. (*изображая рок-певца*). Камон, бэби, камон.
- (2) Б. Почему ты за уроки не сел?
- (3) А. (*глядя на Б.*) Камон, камон.
- (4) Б. С тобой мать твоя говорит.
- (5) А. Потом.

⁶ Мы не обсуждаем вопрос о существовании изначального означаемого, этим должны заниматься не лингвисты, а богословы.

⁷ Ибо любое отрицание есть утверждение от противоположного (весьма характерно, что в ставшей классической работе О.Г. и И.И. Ревзины выводятся принципы “нормальной коммуникации”, исходя именно из нарушений, отрицающих эти принципы).

- (6) Б. Как всегда!
- (7) А. Имеет человек право на отдых?
- (8) Б. Я это идиотское MTV...
- (9) А. Ты всегда на меня кричишь! Это твой русский идиотский.
- (10) Б. Ну всё! (*решительно направляется к А.*)
- (11) В. (*напевает*) И дорогая не узнает, каков танкиста...
- (12) А. Иду! Иду! (*уходя, с обидой*) Между прочим, я сегодня уже двадцать страниц ваших “Записок охотника” прочитал.
- (13) В. Ясное дело, перетрудился.
- (14) Б. Хоть бы раз сам пошел.

Постулаты Грайса, постулаты “нормальной” коммуникации Ревзиных оказываются нарушенными чуть ли не в полном составе, тем не менее, не думаю, что этот диалог можно назвать ненормальным.

Практически постоянно нарушается постулат информативности, никакой новой информации не несут реплики (3), (4), (9), (13), (14). Вопросы (2) и (7) служат вовсе не для запроса информации, а для выражения совершенно иного смысла (*Иди делать уроки!*; *Я имею право отдохнуть*). Формально реплика (12) несет новую информацию (сообщение о том, что А. прочитал определенное количество страниц), реально же эта информация оказывается ценной для говорящего не сама по себе, а служит посылкой для вывода, который опускается (перед нами прием, который может быть назван смысловым эллипсисом): *Я выполняю на сегодня норму по интеллектуальному труду, имею право на отдых и не принимаю ваших претензий и утверждений о моем безделье*.

При этом отсутствует логическая связь реплик, кроме постулата информативности, постоянно нарушается постулат о детерминизме (нарушение причинно-следственных связей и семантической связности) ср. в этом отношении, например, связь реплик (2) и (3); воспроизводится то, что относится к общей памяти, следовательно, не должно эксплицироваться ((4), (14)), т.е. нарушенным оказывается постулат неполноты описания. Под большим вопросом также соблюдение постулатов истинности и искренности.

Реплику (3) вообще очень сложно проинтерпретировать в рамках существующих концепций. Смысл, вероятно, может быть выражен следующим образом: *Я не собираюсь выполнять твою прескрипцию, а хочу продолжить то, что я делаю*. Происходит то, что может быть названо косвенной, опосредованной импликацией, т.е. для интерпретации необходимо совершить ряд процедур, переходов от одного смысла к другому, которые никак не эксплицируются. Похожее (опосредованная импликация) происходит и в случае (11), смысл может быть представлен так: *тебя ожидает та же судьба, что и героя песни, цитата из которой приводится*. Причем в данном случае имеет дело явная гиперболическая

зация, языковая игра. Как и в случае (13), в котором эта игра осложняется таким приемом, как энантиосемия.

Теперь остановимся чуть более подробно на одном из приемов, который может быть назван “смысловым эллипсисом” и который мы неоднократно наблюдали в приведенном диалоге. Он представляет собой исключение одного или нескольких звеньев цепи перевода и используется для создания различных эффектов.

IV. Смысловой эллипсис и комическое

Смысловым эллипсисом мы называем прием, при использовании которого из цепочки экспликации смысла “выпадают” одно или несколько звеньев, так, если пользоваться терминами логики, может опускаться посылка и присутствовать только конечный вывод, или, наоборот, — дается посылка, вывод же предлагается сделать остальным участникам коммуникации. Приведем только один пример:

(А. покупает крем. П. — продавщица) А. Мне две “Магии” и два “Зодиака” // П. Только три в одни руки // А. Но мне нужно четыре. П. Это вы к Попову (в то время мэром Москвы) обращайтесь! [Китайгородская, Розанова, с. 347].

Последнее высказывание приведенного микродиалога является ярким примером смыслового эллипсиса, т.к. здесь опущены начальные и конечные звенья смысловой цепочки, которые говорящий предлагает восстановить самому интерпретатору. Смысл этот приблизительно может быть восстановлен следующим образом: *Я действую на основании распоряжения Попова, со своими претензиями вам следует обращаться к нему, а не ко мне, я же не могу выполнить вашу просьбу.*

Весьма часто прием, который мы условно обозначили как смысловой эллипсис, используется в остротах и анекдотах для создания комического эффекта. Заметим, что комический эффект создает не смысловой эллипсис сам по себе, даже не удовольствие, связанное с разрядкой напряжения при восстановлении пропущенных звеньев, но то, что этот прием наиболее выигрышно позволяет “подать” ожидаемое и существующее, находящиеся в “противофазе”, создать эффект “обманутого ожидания”, являющийся одним из основных источников комического. Иными словами, реципиенту предлагается два варианта смысловых цепочек, одна из них наиболее вероятно и подчиняясь автоматизму мышления и языкового использования, слушающий выбирает именно ее, говорящий же обнаруживает, что “реально” оказывается та из цепочек (вернее, то из ее ответвлений), которая казалась наименее вероятной, “контраст представлений [Фрейд, с.178] вкупе с разоблачением “психологического автоматизма” [Фрейд, с.234] и рождает комическое. В качестве примера проанализируем следующее высказывание:

*Джентльмен всегда поправит галстук, если мимо канавы проходит дама*⁸.

Г. Малкин

Перед нами два фрейма, т.е. два пучка “предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций” [Красных, с.119]: **джентльмен** — (внутренний) аристократизм, безупречность внешнего вида, безукоризненная воспитанность и т.д.; **канавы** — анализ коннотативных сем этого слова свидетельствует, что лица, которым может быть атрибутирован локатив “в канаве” — это алкоголики, бомжи и т.д., т.е. люди, потерявшие человеческий облик, утратившие представления о человеческом достоинстве и правилах поведения в обществе. Таким образом, перед нами два ассоциативных ряда, находящиеся в одном “поле”⁹, но занимающие в нем полярные положения, резко противостоящие друг другу, комизм создается благодаря тому, что оба они оказываются имеют один денотат (контраст представлений, соединение несоединимого), причем предикаты, которые представляет говорящий субъекту высказывания противостоят тем, которые мы ожидаем.

Следующий аспект интерпретации приведенного высказывания, который никоим образом не противоречит первому: контраст поведения и ситуации, попытка оставаться комильфо, оказавшись в положении с этим “комильфо” явно контрастирующим.

Перед нами яркий случай экономии в средствах выражения — состоянии “джентльмена” и все имплицитно приписываемые ему предикаты содержатся в коннотативных семах слова *канавы* (не экономия создает комический эффект, но нарушение принципа экономии ведет к разрушению этого эффекта, ср.: *Даже если джентльмен настолько пьян, что падает в канаву, он стремится вести себя должным образом в присутствии дамы*). Экономия и в описании жеста “поправление галстука” — этот жест в массовом сознании принадлежит фрейму “джентльмен” и должен вести к восстановлению других составляющих этого фрейма, хотя здесь экономия выражена не столь явно, как в первом случае.

Чуть отвлекаясь от темы, обратим внимание на то, что речь идет, конечно, о *джентльмене* в массовом представлении, том инвариантном представлении, актуализируемом этим именем, которое присутствует в языковом сознании русского лингво-культурного сообщества. Согласно этому представлению, жест “поправление галстука” свидетельствует об

⁸ Интерпретацию этого примера, отличающуюся от нашей, см. в [Санников, с.394].

⁹ Темой отдельного обсуждения является то, что у слова *джентльмен* в этом примере актуализируются, в первую очередь, понятийные семы, лишь затем — коннотативные, а у слова *канавы* — наоборот. Обсуждение этой проблемы в рамках прагматической семантики весьма интересно, но оно уведет нас далеко в сторону, поэтому мы позволим себе не останавливаться на этом вопросе.

аристократизме, интеллигентности и т.д. Хотя для истинного, а не стереотипного джентельмена публичное (тем более, демонстративное) исправление неопорядка в одежде является недопустимым. Поправлять галстук в присутствии дамы могут герои Зощенко или Пьер Скрябин, но никак не принц Чарльз. Сказанное лишней раз свидетельствует о том, что в своей речевой практике мы обращаемся прежде всего к тем общенациональным инвариантным представлениям, которые бытуют в массовом сознании.

Итак, данное высказывание содержит практически весь набор приемов комического: разоблачение психологического автоматизма, контраст представлений, обманутое ожидание, экономия средств. Всего этого позволяет добиться такой способ использования языка, который мы называем смысловым эллипсисом. С точки зрения строгой логики рассматриваемое высказывание бессмысленно, т.к. перед нами два взаимоисключающих суждения: 1) джентльмен не может лежать в канаве, 2) человек, лежащий в канаве, — джентльмен. Данные суждения противоречат друг другу, следовательно, предложение, включающее их, бессмысленно¹⁰. Однако, с точки зрения обычного носителя языка, да и в строго лингвистическом понимании данное предложение отнюдь не является бессмысленным.

Рассмотрим в качестве следующего примера известный анекдот:

На урок в школу приходит комиссия. Учительница инструктирует школьников, как отвечать на вопросы высоких гостей. Вовочке запрещено поднимать руку и открывать рот. Урок проходит замечательно, дети правильно отвечают на вопросы комиссии, но ее председатель в самом конце занятия спрашивает: “Дети, а какой главный принцип работы нашей любимой партии?” Вопрос не был запланирован, школьники смущенно молчат. Тут поднимается рука Вовочки. Делать нечего, приходится вызвать его. “Наша партия все делает ради людей и во благо людей!” — отвечает Вовочка. Комиссия восхищена ответом и удовлетворенная собирается покинуть класс, но тут Вовочка, наслаждаясь своим триумфом, кричит: “Я даже знаю имена этих людей!”

Здесь наиболее ярко проявляется такой прием, как разоблачение психологического автоматизма. Создается база для одного вывода, но вывод оказывается другим, резко контрастирующим с ожидаемым. Для интерпретации этого анекдота необходимо восстановить смысловой эллипсис (*в нашем обществе все блага получает столь незначительная группа людей, что ее члены могут быть названы по именам*), т.е. эксплицировать на ментальном уровне то, что на вербальном элиминиро-

¹⁰ См., напр., [Рассел].

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: МАКС-Пресс, 2000. — Вып. 15. — 124 с. ISBN 317-00123-4

вано и выражается имплицитно. Формальная невыраженность категории определенности/неопределенности в русском языке — тот ресурс семиотической системы, который позволяет играть смыслами — ожидаемым (он оказывается ложным) и неожиданным (он-то и является как истинный)¹¹.

Рассмотрим еще один пример.

Господь призывает к себе Никсона, Мао Цзе-дуна и Брежнева. Он сообщает им, что они уже достаточно пожилы в дольнем мире, им пора на небо, но перед смертью они имеют право на последнее желание. “Господи, — восклицает Мао, — уничтожь всех этих проклятых империалистов-американцев!” После этих слов он исчезает. Взбешенный Никсон кричит: “Ах так! Тогда уничтожь всех проклятых китайцев, несущих по всему миру коммунистическую заразу!” После этих слов он также исчезает. Брежнев долго молчит. Бог напоминает: “Леонид Ильич, ваша очередь”. “А Вы выполнили предыдущие два желания?” “Конечно, как можно сомневаться в моем слове?” “Тогда, пожалуйста, чашечку кофе”.

Обманутое ожидание в этом примере предстает, пожалуй, в наиболее чистом виде. Задается определенная установка (в психологическом терминологическом значении этого слова) — два первых речевых поступка задают определенную функцию, следующим значением которой должен стать третий поступок, но поступок этот оказывается принципиально двусмысленным. С одной стороны (на поверхностном уровне), он в заданную функцию никак не вписывается (подчеркнуто мирное желание в противовес кровавым требованиям), с другой — является одним из ее значений на глубинном уровне. Перед нами контраст внешнего и внутреннего. Эллипсис присутствует и здесь, но интерпретативная процедура оказывается достаточно простой, что, однако, не снижает комического эффекта.

Смысловой эллипсис является важным и весьма эффективным приемом комического. Но используется он не только для создания комического эффекта (см. приведенный нами диалог относительно несделанных уроков). Подобные импликатуры являются обязательными в

¹¹ В данном случае мы не останавливаемся на том, что в последнем примере помимо всего прочего происходит осемантизация асемантичного лозунга, деритуализация ритуальной речи, т.к. это тема отдельного разговора. Не рассматриваем мы также и удовольствие освобождение от гнета цензуры как источник комического [Фрейд]. В связи с последним хочется сказать, что для создания комического эффекта фигура маргинала, человека, интеллектуального ущербного, слабоумного и/или не вписывающегося в социальные рамки является наиболее привлекательной, достаточно вспомнить таких фольклорных и литературных героев, как Петька и Чапаев, Вовочка, Иван-дурак (в различных вариациях), Дон Кихот, Швейк и др.

“живой” коммуникации. Можно, вероятно, говорить не о постулате информативности [Грайс], но постулате обязательной информативной недостаточности. Речь идет не только об общей памяти и элементах микро- и макропресуппозиции, но именно о неполном развертывании логической (в нашем понимании этого слова) последовательности, обязательном предложении участнику(-ам) коммуникации восстановить “выпавшие” звенья. Нарушение этого постулата, т.е. развертывание в тех случаях, где нет необходимости в подобном развертывании также может служить для создания комического эффекта.

Анекдот может также указывать на логические тупики, обусловленные механизмами использования естественного языка, т.е. при любой многозначности подсказывается наиболее вероятная интерпретация, которая в результате оказывается ложной, “истинной” же представляется наименее ожидаемая. Наиболее наглядно это проявляется в многочисленных анекдотах, построенных на многозначности эгоцентрических слов. Приведем только два примера, не анализируя их подробно:

Крупный партийный босс вещает с трибуны:

- Товарищи, в следующей пятилетке мы будем жить еще лучше!

Голос из зала:

- А мы?

Старый еврей приходит в отдел приемов ЦК и всем задает вопрос: “Где это?” Никто его не понимает, наконец, догадываются задать вопрос: “Что “это”?” “Ну как же, помните, в молодости мы пели: “И как один умрем в борьбе за это...” Вот я и спрашиваю: где это?”

Анекдот строится на нарушении логики, но не логики в научном смысле этого слова, а обыденной логики, которая может быть названа мифологической (виртуальной) логикой, она строится не на *ratio*, но на связи недискретных и недискурсивных представлений, причем и сами эти образы и связь между ними не поддаются собственно логическому анализу. *Ratio* не в состоянии объяснить, почему сексуально невоздержанный человек не может быть президентом, почему дальнейшие пути развития огромной страны должны зависеть от ответа на вопрос: Чингисхан, он плохой или хороший?¹² Между тем, с точки зрения мифологической логики это именно так и вообще не должно обсуждаться. Анекдот, с одной стороны, закрепляет эту логику, а с другой — указывает на ее тупики, ее несоответствие *ratio* (от него все же никуда нельзя уйти). Например:

¹² См. [Трубецкой].

Старшина приказывает рядовому выйти из строя и снять штаны. После чего вступает с ним в следующий диалог:

- Иванов, кто такой Чайковский?

- Гениальный русский композитор, товарищ старшина.

- Правильно, Иванов. И замечу вам, он написал великое множество замечательных музыкальных произведений. А кто такой Гоголь?

- Великий русский писатель.

- Правильно, Иванов. И замечу вам, он написал большое количество замечательных литературных произведений. Но, обратите внимание, Чайковский был гомосексуалистом, а Гоголь — импотентом. У тебя же ... до колена, а ты матери в Саратов двух строк написать не можешь!

Подводя итог этой части наших рассуждений, скажем, что анекдот основывается на парадоксе, апории, ориентированных на разрушении психологического автоматизма. Анекдот стоит на мифологической логике, существует в поле именно этой логики, которая, в свою очередь, базируется не на связи понятий (концептов), но на ассоциативных связях (связи эти, естественно, не понятийны, а коннотативны), на связи представлений, причем представления эти не индивидуальны, но инвариантны и стереотипны. Переход от одного представления к другому в анекдоте, как и в “живой” коммуникации, строится не на формальном логическом выводе, но на стереотипной связи ассоциаций, причем связываются, как уже говорилось, не понятийные ядра, но коннотативное окружение этих ядер. Смысловый эллипсис основывается именно на стереотипных связях инвариантных блоков-представлений, сбой в этом механизме ведут к возникновению коммуникативных неудач, комического эффекта, абсурда (одно не исключает другого).

Сказанное выше заставляет нас по-новому взглянуть на постулаты коммуникации и на проблемы неудачи в коммуникации.

Суммируя сказанное о правилах (постулатах) истинной коммуникации Грайса и Ревзиных, а также в свете сказанного нами о “живой” коммуникации, мы замечаем, что от постулатов этих мало что остается. Мы не можем признать, что информативность, детерминированность, связность, искренность, неполнота описания характерны для такой коммуникации, в которую мы вступаем постоянно и которая никак не может быть названа ненормальной. Можно сказать, что коммуниканты должны иметь общую модель мира и общий код для означивания этой модели. Правда, необходима существенная оговорка: каждый из собеседников может иметь собственную модель мира, но он должен обладать представлением о модели мира собеседника, следовательно, с этим условием успешной коммуникации напрямую связано следующее условие: при коммуникации должна учитываться способность собеседника к

инференции, к прогнозированию, к ликвидации пробелов в смысловых цепочках, представление о тех правилах вывода, которыми руководствуется собеседник.

Сказанное нуждается в комментарии. Заметим, что модели мира могут различаться и различаться весьма существенно, но успешная коммуникация все же оказывается возможной. В качестве классического примера можно назвать общение Миклухо-Маклая с папуасами, упомянем также гипотетический контакт человека с антропоморфными инопланетянами, являющийся одним из любимых сюжетов кинематографистов. В данном случае речь должна идти не об общности моделей мира вообще, но об общности (или прогнозируемости) тех фрагментов картины мира, которые актуализируются “здесь” и “сейчас”. Так, может быть признан вполне успешным коммуникативный акт “Представление”, заключающийся в следующем: А. направляет указательный палец себе в грудь и произносит свое имя, после чего показывает на собеседника Б. Б. повторяет первый жест А. и называет свое имя. И А. и Б. исходят из представления о том, что любой человек должен иметь имя и при установлении контакта собеседники должны знать имя друг друга. Количество сходных примеров можно увеличить, но очевидно, что зона подобных контактов оказывается достаточно узкой. Так, трудно представить, как “европеец” объяснит “дикарю” строение Вселенной, даже в том случае если у них существует общий “код”.

Конечно, как модели мира, так и способы их знакового выражения у двух языковых личностей никогда не совпадают, у каждого из коммуникантов собственное представление о мире, собственный идиолект, полного и абсолютного понимания никогда не происходит, но этими “погрешностями” можно пренебречь при наличии общего для вступающих в общение когнитивного пространства.

В связи со всем сказанным необходимо задать следующий вопрос: что следует называть “нормальной” коммуникацией? Вряд ли на этот вопрос возможен непротиворечивый ответ. Речь идет исключительно о субъективной оценке того или иного коммуникативного взаимодействия, причем оценки эти могут серьезно отличаться у разных лиц присутствующих при этом взаимодействии. Вспомним хрестоматийный диалог из “Театрального романа”, “ненормальный”, с точки зрения Максудова, и безусловная “нормальный”, с точки зрения остальных его участников:

Между слушателями произошел разговор, и, хотя они говорили по-русски, я ничего не понял, настолько он был загадочен. (...)

- Осип Иванович? — тихо спросил Ильчин, щурясь.

- Ни-ни, — отозвался Миша. (...)

- Вообще, старейшины... — начал Ильчин.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: МАКС-Пресс, 2000. — Вып. 15. — 124 с. ISBN 317-00123-4

- Не думаю, — буркнул Миша.

Дальше слышалось: “Да ведь на одних Галиных да на подсобляющем не очень-то...” (Это — Евлампия Петровна).

- Простите, заговорил Миша (...), — я давно утверждаю, что надо поставить этот вопрос на театре!

- А как же Сивцев Вражек? (Евлампия Петровна).

- Да и Индия тоже неизвестно, как отнесется к этому дельцу, — добавил Ильчин.

- На кругу бы все поставить, — тихо шептал Ильчин, и они так с музыкой и поедут.

- Сивцев! — многозначительно сказала Евлампия Петровна.

М. Булгаков. Театральный роман

Полагаем, надо ставить вопрос не нормальности/ненормальности, но об успешности/неуспешности коммуникации, следовательно, необходимо остановиться на проблеме коммуникативных неудач.

V. Коммуникативные неудачи

Заметим, что основа успешной коммуникации — это единство интерпретации, различия в интерпретации ведут к коммуникативным неудачам. Но различия в интерпретации — это не собственно лингвистическая, но лингво-когнитивная проблема.

Не останавливаясь на вопросе о существующих классификациях коммуникативных неудач (КН) (см. [Городецкий и др.], [Ермакова, Земская], [Виноградов], [Гудков]), зададимся следующим вопросом: что заставляет нас полагать, что произошла коммуникативная неудача, каковы сигналы, свидетельствующие, что коммуникация не была успешной? Сигналы эти могут быть весьма разнообразны и должны классифицироваться различными способами.

Простейшим случаем служит вербальная реакция одного из коммуникантов: “Я вас не понимаю” (мы не поднимаем здесь достаточно важного вопроса об искренности произносящего эти слова, можно представить множество случаев, когда один из коммуникантов вполне адекватно интерпретирует высказывание другого, но данной фразой демонстрирует, например, нежелание обсуждать данную тему, скажем, таким может быть ответ девушки на объяснение молодого человека в любви и т.д.; пока мы выносим данные рассуждения “за скобки” и, пусть несколько искусственно, принимаем идею о полной искренности говорящего). Сигнал этот подается в том случае, когда “слушающий” (при всей условности деления участников коммуникации на “говорящего” и “слушающего” мы пока сохраним эти термины, беря их в кавычки) оценивает высказывание “говорящего”, пытаясь на основании интерпретации этого высказывания составить представление о коммуника-

тивной и практической цели “говорящего”, если такое представление не возникает или возникшее представление резко противоречит конситуации, предшествующему опыту “слушающего”, существующей у него модели мира и т.д., он сознает, что произошел коммуникативный сбой и сигнализирует о коммуникативной неудаче. Итак, это первый вариант: высказывание не может быть осмысленно проинтерпретировано и понято адекватно конситуации (в широком понимании последнего термина).

Другой тип сигнала: “Вы меня не поняли”. “Говорящий” оценивает вербальные и невербальные реакции “слушающего” как не отвечающие его коммуникативной и/или практической цели. Итак, в данном случае высказывание проинтерпретировано и понято, но интерпретация “слушающего” не соответствует коммуникативным намерениям говорящего.

Рассмотренные два случая не требуют постороннего наблюдателя, КН воспринимается тем или иным из собеседников, который сигнализирует другому, что такая неудача имела место. Единственным способом анализа коммуникации “без наблюдателя” является посткоммуникативная рефлексия, при которой происходит раздвоение участника коммуникации, его разделение на коммуниканта и наблюдателя. Эта рефлексия всегда отстает по времени от коммуникативного акта, данный временной промежуток может быть совсем коротким (обычный случай при непосредственном общении), но может быть и весьма значительным (типичным примером может служить коммуникация в рамках политического дискурса, когда успешность/неуспешность того или иного коммуникативного акта публичного политика не может быть оценена “сразу”, о ней свидетельствует повышение или понижение рейтинга, победа или поражение на выборах и т.д.).

Оставаясь пока в рамках системы “без постороннего наблюдателя”, можно рассмотреть следующий вариант: КН имела место, но сигнала о ней поступает. Например, я говорю хозяину дома, что меня мучит жажда, в надежде, что он принесет мне пиво, он же ставит передо мной бутылку “Боржоми”. Если у хозяина нет умысла, то мы имеем дело с тем, что хозяин неверно понял мою коммуникативную цель, если же коммуникативная цель воспринята верно, то хозяин мог действовать с умыслом (желание отучить меня от привычки похмеляться), но в любом случае практическая цель не достигнута, следовательно, мы имеем дело с КН. Оценить, что в данном случае произошел сбой в коммуникации может один из ее участников, но никак не посторонний наблюдатель, т.к. никаких сигналов КН нет.

Возможен иной случай: участники коммуникации не понимают, что произошла коммуникативная неудача, но это видит посторонний наблюдатель. Скажем, А. желает купить гуаяву, хотя никогда не видел этого тропического фрукта, и просит продавца Б дать его ему, но прода-

вещ приносит авокадо, полагая, что этот плод называется гуаява. Оба участника коммуникации удовлетворены, полагая, что и коммуникативная и практическая цели общения реализованы. Оценить результат данного коммуникативного взаимодействия как коммуникативную неудачу может лишь посторонний наблюдатель В.

Итак, коммуникативные неудачи могут быть разделены на такие: осознаваемые одним или всеми (некоторыми) участниками коммуникации, о них сигнализирует(-ют) участник(-и) коммуникации, соответственно, посторонний наблюдатель также может воспринять данный случай как КН; КН, осознаваемые участником(-ами) коммуникации, но какие-либо сигналы отсутствуют, посторонний наблюдатель не может оценивать их как КН; КН, не осознаваемые участниками коммуникации, оценить их именно как неудачи может лишь Другой, посторонний наблюдатель.

Причины КН весьма разнообразны, о них (причинах) написано уже достаточно много, мы не будем детально останавливаться на этом вопросе и предложим лишь самую общую классификацию источников КН, при этом мы позволим себе не останавливаться на “технических” причинах (плохая дикция, слабый слух, помехи в “канале связи”, посторонние шумы и др.).

Очевидно, что к неудаче может приводить недостаточное владение кодом, так, в последнем из рассмотренных нами примеров неудача обусловлена незнанием денотата слова *гуаява*, один из собеседников может не понимать идиолекта другого, особенно в тех случаях, когда последний включает в свою речь специальные термины, жаргонизмы, диалектизмы и т.д.

КН могут быть обусловлены различиями в картинах мира (в широком понимании) коммуникантов, если говорить точнее, то те зоны индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, которые актуализируются в том или ином коммуникативном акте, оказываются слишком различны (здесь могут быть отношения лакуарности — то, что известно одному из коммуникантов, неизвестно другому; различной структурированности и др.). Например:

Я рассказывал многим из своих знакомых такой случай. Мой друг сдавал экзамен по физике в одном из столичных технических вузов. В конце экзамена преподаватель обратился к нему со следующими словами: “Если вы правильно ответите на последний вопрос, я поставлю вам “5”. Как звали жену Бойля-Мариотта?” “Какую? Первую или вторую?” — последовал ответ. Далеко не во всех случаях мне удавалось добиться комического эффекта (достигнуть цели своего коммуникативного акта), т.е. налицо была коммуникативная неудача, т.к. не все

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 15. – 124 с. ISBN 317-00123-4

мои собеседники знали, что Бойль и Мариотт — это два разных человека.

Мне был не очень понятен смысл многих статей в американской прессе, посвященных 50-летию атомной бомбардировки Хиросимы, пока я не выяснил, что данная акция большинством в США воспринимается как продиктованная военной необходимостью, даже гуманная (она позволила избежать десанта на Японские острова, следовательно, спасла жизни сотням тысяч американцев и японцев). Та прецедентная ситуация, которая обозначается прецедентным именем Хиросима, совершенно по-разному оказывается структурирована в когнитивном пространстве русского и американца (различны дифференциальные признаки, коннотации, оценка), что приводит к КН.

Не подлежит сомнению, что названные мною две причины КН находятся в теснейшей взаимосвязи, далеко не всегда возможно отделить одну от другой, т.к. различия в картине мира неизбежно приводят к различиям в кодировании элементов этой картины, “лингвистическое” может быть отделено от “когнитивного” лишь с большой степенью условности, но пока мы сохраним это разделение, т.к. во многих случаях оно все-таки “работает”, хотя сделанную выше оговорку нужно постоянно иметь в виду.

Следующей причиной КН (она, кстати, также тесно связана с двумя первыми) может быть названо неверное восстановление смыслового эллипсиса или, другими словами, различия в алгоритмах инференции (выводного знания). Успешная коммуникация требует от своих участников обязательного прогнозирования¹³ способности собеседника к восстановлению смыслового эллипсиса, следовательно, коммуниканты должны определенным образом прогнозировать когнитивные способности друг друга, моделировать когнитивное пространство собеседника. Чем ближе актуализируемые в общении зоны индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, тем успешнее будет коммуникация. Скажем, общение представителей различных ЛКС (людей национальные когнитивные базы которых сильно различаются), принадлежащих одному профессиональному социуму (лингвистов, химиков, футбольных тренеров и т.д.) может быть весьма успешным даже в том случае, если оно ведется на языке-посреднике, которым каждый из собеседников владеет лишь в ограниченном объеме, при условии, что обсуждают они свои сугубо профессиональные проблемы.

Иными словами, коммуникация тем успешнее, чем ближе механизмы перевода (как межъязыковые, так и внутриязыковые) коммуни-

¹³ В данном случае мы излагаем в несколько трансформированном виде постулат об общем прогнозировании О.Г. и И.И. Ревзиных.

кантов. Эти механизмы (одними из них являются алгоритмы восстановления смыслового эллипсиса) содержатся в индивидуальном когнитивном пространстве языковой личности. Выскажем гипотезу, что некоторые из них являются универсальными, другие — национальными (вернее, детерминированными принадлежностью языковой личности определенному ЛКС), третьи — индивидуальными.

Необходимо коротко остановиться на вопросе об универсальности / неуниверсальности механизмов выводного знания. Сами по себе эти механизмы, вероятно, универсальны, но их реализация в виде конкретных алгоритмов, по нашему мнению, обусловлена конкретными языком и культурой, т.е. предстают в каждом ЛКС в особом виде (можно говорить об универсальном инварианте и национальных вариантах)¹⁴. Рассмотрим только один пример:

- (1) *А. (заглядывая в кабинет Б., где находится В.). Б. нет?*
- (2) *В. Я не видел.*

Реплика (1) являет собой пример смыслового эллипсиса и резко нарушает постулаты информативности и неполноты описания, т.к. А. прекрасно видит, что Б. нет на месте и, вполне доверяя своему сенсорному аппарату, не нуждается в подтверждении этого очевидного факта. Смысл реплики А. оказывается следующим: *“Я заглянул сюда, чтобы поговорить с Б. На работе ли он и когда появится?”* Еще более ярким примером смыслового эллипсиса является реплика (2), обусловленная адекватной интерпретацией реплики (1). Смысл высказывания во втором случае может быть выражен примерно следующим образом: *“Я не знаю пришел ли сегодня Б. на работу, я также не знаю, когда он появится здесь”*. Приведенный диалог невозможен, скажем, на английском (речь идет о прямом переводе, а не о поиске близких соответствий), т.е. сам язык (наравне с правилами речевого этикета, социально-ролевыми особенностями коммуникации и другими факторами) накладывает серьезные ограничения на использование такого приема, как смысловой эллипсис, определяя специфику этого использования. Кстати, данный пример заставляет нас еще раз задуматься над вопросом о том, почему мы постоянно используем смысловой эллипсис, т.е. прибегаем к переводу одного вербального знака (в данном случае — комплексного знака) в другой, дальше отстоящий от означаемого. Вряд ли убедительным

¹⁴ Заметим, что на национальные особенности выводного знания, т.е. особенности построения и интерпретации высказываний в том или ином ЛКС до настоящего времени не обращалось должного, на наш взгляд, внимания. Больше говорилось об обусловленности подобных операций уровнем образования, опытом теоретического мышления и т.д. (см., напр., классические работы [Лурия] и [Коул]), но эксперименты А.Р.Лурия убедительно свидетельствуют, что при способности человека овладеть потенциальными логическими механизмами языка реализация этих механизмов в каждой среде своя, следовательно, она не является универсальной.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 15. – 124 с. ISBN 317-00123-4

выглядят объяснение, основанное на законе языковой экономии, ибо в данном случае, экономя на артикуляционных усилиях, мы значительно усложняем интерпретативные процедуры, когнитивные операции. Кроме того, во многих случаях никакой мышечно-артикуляционной экономии не происходит, зачастую “переводной” вариант требует значительно больших затрат мышечных усилий, чем “изначальный”.

Высказанные выше соображения являются пока достаточно общими и абстрактными, нуждающимися в уточнении и конкретизации, но они закладывают основы той платформы на которой можно строить исследование механизмов “живого”, а не искусственного использования языка, “живой” коммуникации во всем ее многообразии (а не только некоторых сугубо периферийных ее “зон” — “человек — машина”, например), освободиться от структуралистского, формально-логического подходов (по существу, это два аспекта одного подхода — позитивистского) к исследованию общения, сбросить наконец оковы навязываемых ими схем и рамок.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова — Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
Барт 75 — Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: “за” и “против”. М., 1975.
Барт 89 — Барт Р. Миф сегодня // Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М. 1989.
Бахтин — Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998.
Виноградов — Виноградов С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.
Витгенштейн — Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994.
Городецкий и др. — Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.
Грайс — Грайс Г.П. Логика и речевое общение // НЗЛ. Вып. XVI. М., 1985.
Гудков — Гудков Д.Б. Типы коммуникативных неудач в межкультурной коммуникации // Slavica Gandensia, № 27, Gent University, Department of Slavonic and East European Studies, 2000.
Гумбольдт — Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964.
Деррида — Деррида Ж. Конец книги и начало письма // Итенциональность и текстуальность. Томск, 1998.
Ермакова, Земская — Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
Китайгородская, Розанова — Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.
Клюканов — Клюканов И.Э. Семиоперевод и маркированность межкультурного общения // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 11. М., 2000.
Коул — Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.
Красных — Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 15. – 124 с.
ISBN 317-00123-4

- Кубрякова и др. — Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кюнг — Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. М., 1999.
- Лакофф — Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // НЗЛ. Вып. XXIII. М., 1988.
- Лурия — Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
- Остин — Остин Дж. Л. Слово как действие // НЗЛ. Вып. XVII. М., 1986.
- Петров — Петров В.В. Язык и логическая теория // НЗЛ. Вып. XVIII. М., 1987.
- Рассел — Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999.
- Ревзина, Ревзин — Ревзина О.Г., Ревзин И.И. Семиотический эксперимент на сцене: нарушение постулата норм общения как драматический прием // Труды по знаковым системам. Вып. 5. Тарту, 1971.
- Ревзина — Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. Автореферат ДД. М., 1998.
- Санников — Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Серль — Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // НЗЛ. Вып. XVII. М., 1986.
- СИС — Словарь иностранных слов. М., 1979.
- Трубецкой — Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // История. Культура. Язык. М., 1995.
- Телия — Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
- ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Фрейд — Фрейд З. “Я” и “Оно”: Труды разных лет. Кн. 2. Тбилиси, 1991.